

МЕЗОЭКОНОМИКА

УДК: 332.1:330.88

JEL: R11, R58, A13

Инна Ховрак

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ СТАНОВЛЕНИЯ КОНЦЕПЦИИ СБАЛАНСИРОВАННОГО РЕГИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ

Современные процессы реформирования местного самоуправления, территориальной организации власти и административно-территориального деления в Украине требуют также и новых подходов к управлению региональным развитием. Обоснованы теоретические основы становления концепции сбалансированного регионального развития. В процессе исследования использован системный подход, теоретическое обобщение, метод научной абстракции, логико-семантический и графический методы. Результаты исследования показали, что концепцию сбалансированного регионального развития целесообразно рассматривать сквозь призму семи концепций и теорий. Так, теории регионального развития (отдельные теории пространственной организации, использования потенциала региона, инноваций и знаний, а также теории общественных изменений) помогают воспринимать регион как целостную систему, наделённую потенциалом для развития. Концепция устойчивого развития подчёркивает необходимость удовлетворения потребностей настоящего времени без ущерба для будущих поколений удовлетворять собственные потребности. Концепция разумного региона сочетает разумное управление, экономику, мобильность, окружающую среду, людей и образ жизни. Концепция нового прагматизма напоминает об учёте системы ценностей при управлении регионом: "выгодно-законно-неаморально". Согласно концепции реконструктивного развития, целесообразно сочетать интровертное, инклюзивное и инновационное развитие. Теория заинтересованных сторон указывает на необходимость определения основных заинтересованных сторон и налаживания коммуникации между ними. При этом бихевиористская теория подчёркивает усиление роли человеческого фактора в региональном развитии, актуализирует исследование влияния психологических факторов. В результате проведённое исследование позволило определить сбалансированное региональное развитие как длительный процесс реконструкции региона, учитывая имеющийся потенциал, гармонизацию интересов заинтересованных сторон и налаживание коммуникации, оптимальное соотношение экологических, социальных и экономических целей, социальную справедливость, сплочённость и ответственность, что приводит к появлению региональной идентичности. Понимание сущности и особенностей сбалансированного регионального развития имеет теоретическое и практическое значение, поскольку способно повысить эффективность регионального управления.

К л ю ч е в ы е с л о в а : сбалансированное региональное развитие, развитие региона, концепция, теории регионального развития, региональное управление.

Эффективность управления развитием регионов является неотъемлемой составляющей развития страны. Осознание этого факта при-

Ховрак Инна Викторовна (nna.khovrak.w@gmail.com), канд. экон. наук, доц. ; доцент кафедры учёта и финансов Кременчугского национального университета имени Михаила Остроградского. *Сфера научных интересов*: сбалансированное региональное развитие, социальная ответственность государства, бизнеса и граждан. ORCID 0000-0002-0352-4374

© И. Ховрак, 2019

вело к реформированию местного самоуправления, территориальной организации власти и административно-территориального деления в Украине. Так, реформы совершаются для "создания и поддержания полноценной жизненной среды для граждан, предоставления высококачественных и доступных публичных услуг, становления институтов прямого народовластия, удовлетворения интересов граждан во всех сферах жизнедеятельности на соответствующей территории, согласования интересов государства и территориальных общин"¹. То есть реформы призваны уменьшить диспропорции и решить экономические, политические, экологические и социальные проблемы регионов. Наряду с этим одним из ключевых вопросов исследования регионального развития является обеспечение сбалансированного регионального развития.

Обобщая обзор современных теоретических аспектов сбалансированного регионального развития, следует отметить, что в научных публикациях украинских учёных оно рассматривается как "устойчивое", "стойкое", "стабильное", "уравновешенное", "гармоничное" и другие. Украинские учёные привыкли ассоциировать сбалансированное развитие с устойчивым развитием. Однако термин "устойчивое развитие" является оксюмороном, то есть обладает свойством логической несовместимости, противоречия между его компонентами (Сухенко, 2017, С. 72). Согласно академическому толковому словарю², прилагательное "устойчивый" означает (1) постоянный, то есть не меняющийся (сохраняет тот же состав, размер, одинаковую форму, величину и т. д.); (2) устойчивый, то есть не испытывающий колебаний, не поддающийся изменениям; (3) уравновешенный (о черте характера); (4) рассчитанный на долгое время, предназначенный для длительного функционирования, не временный; (5) неизменный на протяжении длительного времени (о месте жительства, работе, должности, занятии и т. д.); (6) твёрдый, непреклонный, сформированный (о взглядах, понятии и т. д.). При этом существительное "развитие" означает "процесс, в результате которого происходит изменение качества чего-либо, переход от одного качественного состояния к другому"³. Стоит добавить, что со временем оксюморонные высказывания приобретают всё большую популярность, они получают распространение в различных областях человеческой деятельности (Сухенко, 2017, С. 75). Именно поэтому перевод термина "sustainable development" на украинский язык как "устойчивое развитие" широко распространён в научном мире и практике управления практически без дискуссий.

Однако термин "sustainable development" переведён по-разному на разные языки. Так, в Польше это "zrównoważony rozwój", что можно перевести на украинский язык как уравновешенное развитие, во Франции "développement durable", то есть крепкое долгосрочное развитие, в Германии "nachhaltige Entwicklung", то есть длительное развитие, в Италии "sviluppo sostenibile", то есть развитие, стоящее поддержки; в Швеции "en stadig utveckling", то есть устойчивое развитие, в Японии "jizoki-tekina kaihatsu", то есть длительное развитие и т. п. Соответ-

¹ Розпорядження Кабінету Міністрів України "Про схвалення Концепції реформування місцевого самоврядування та територіальної організації влади в Україні" від 1 квітня 2014 р. № 333-р. URL: <https://zakon.rada.gov.ua>

² Толкование по: Словник української мови. URL: <http://sum.in.ua/> (пер. автора).

³ Там же.

ственно страны пытались максимально точно отразить сущность термина "sustainable development" для собственного населения. Целесообразно учитывать, что корень прилагательного "sustain" из термина объяснён в Оксфордском словаре (одном из самых известных академических словарей английского языка) и переводится как укреплять или поддерживать, "sustainable" как возможность поддерживаться на определённом уровне, а "sustainable development" как экономическое развитие, проводимое без истощения природных ресурсов⁴. То есть стоило бы употреблять термин "поддерживающее развитие". Однако, несмотря на официальный перевод термина "sustainable development", в дальнейшей работе будет употреблён его перевод "устойчивое развитие". Такой не очень удачный перевод привёл, по мнению С. Харичкова (2010, С. 364), к потере основного смысла этого понятия – воспроизводимости. Стоит добавить, что "развитие в принципе не может быть устойчивым ... осуществляется "по спирали", которая в сечении даёт синусоиду" (Черевко, 2010, С. 38), поскольку "развитие – это процесс движения, которому не присуще понятие устойчивости" (Вергун, 2014, С. 208). При этом не стоит также отождествлять термин "sustainable development" со "сбалансированным развитием".

Целью статьи является обоснование теоретической основы становления концепции сбалансированного регионального развития.

Концепцию сбалансированного регионального развития целесообразно рассматривать сквозь призму таких концепций и теорий, как теории регионального развития, концепции устойчивого развития, концепции разумного региона, концепции нового прагматизма, концепции реконструктивного развития, теории заинтересованных сторон и бихевиористской теории. Теоретические положения именно этих концепций и теорий позволяют понять сущность и особенности сбалансированного развития региона.

В предыдущих исследованиях были систематизированы теории регионального развития (Ховрак, 2019). Можно утверждать, что среди всех теорий регионального развития наиболее полно отражают сущность сбалансированного регионального развития отдельные теории пространственной организации, использование потенциала региона и инноваций и знаний, а также теории общественных изменений (табл. 1). Стоит добавить, что указанные теории нашли своё отражение не только в трудах зарубежных исследователей, а также были рассмотрены и детализированы в трудах украинских исследователей.

Среди различных определений устойчивого развития определение Всемирной комиссии по окружающей среде и развитию является наиболее популярным и часто цитируемым определением такими организациями, как Всемирный банк, Институт мировых ресурсов, Всемирный фонд дикой природы, Международный институт окружающей среды и развития, Агентство США, Канады и Швеции по международному развитию и т. п. Согласно 27 принципам устойчивого развития⁵, которые изложены в "Декларации Рио-де-Жанейро по окружающей среде и развитию" и предусматривают закладку основ реализации общемировой политики устойчивого развития, в центре устойчивого развития находится человек.

⁴OxfordEnglishDictionary URL: <https://www.lexico.com/en>

⁵The Rio Declaration on Environment and Development. URL: <http://www.unesco.org/>

**Характеристика теорий сбалансированного
регионального развития**

Название теорий	Основные постулаты
Теория кластеров (Porter, 1990; Porter, Ketels, 2009)	Конкурентное преимущество является результатом локализованного кластеризующего процесса, который генерирует знания и ориентированный на инновации с участием института (включая правительство), культуры, ценностей и истории, а не только экономических структур
Концепция региональной самореализации (Strzelecki, 2011)	Независимость регионального развития, основанная на внутренне-региональных связях (экономических и политических) и внутреннем потенциале регионов с учётом экологических и социокультурных аспектов
Теория эффективности институтов местного самоуправления (Blakely, 1994; Eisinger, 1988)	Органы региональной власти управляют имеющимися ресурсами и заключают партнёрские соглашения с частным сектором или с другими органами власти для создания новых рабочих мест и стимулирования экономической активности в регионе
Теория региональных инновационных систем (Cooke, 1992, 2001)	Признание доминирующей роли региональных инновационных систем в обеспечении конкурентоспособности региональных экономик. Сотрудничество бизнеса, органов власти, научно-исследовательских и учебных заведений, социальных партнёров в создании инноваций
Теория обучающихся регионов (Hassink, 2004; Morgan, 1997)	Разработка региональной политики по развитию малого и среднего бизнеса, прозрачные отношения, комплексное решение проблем и постоянное обучение с эффектами обратной связи. Конкретное содержание политики должно меняться в соответствии с экономическим профилем и спросом в отдельных регионах. Открытость ума
Теория социального капитала (Christoforou, 2017; Hanifan, 1916)	Социальный капитал представляет собой совокупность связей, социальных норм и сетей, общих ценностей и понимания в обществе, которые позволяют индивидам и группам доверять друг другу и таким образом работать вместе, повышая индивидуальное и коллективное благополучие. Социальный капитал является решающим фактором в процессе развития региона наряду с традиционными факторами (естественным, финансовым и человеческим капиталом)
Теория социального отторжения (Lenoir, 1974; Speareta, 2001)	Термин "социально исключённые лица" охватывает людей с психическими и физическими недостатками, правонарушителей, больных и пожилых людей, нуждающихся в помощи, одиноких родителей, членов проблемных семей, асоциальных лиц и т.д.
Теория сетевого общества (Castells, 1996, 2000)	Сети составляют новую социальную морфологию общества, а распространение логики сетей существенно модифицирует функционирование и результаты в процессах производства, опыта, власти и культуры

Источник: систематизировано автором.

Однако концепция устойчивого развития не лишена критики. Критики подчёркивают, что содействие экономическому развитию вряд ли решит коренные причины бедности, связанные с транснациональной политикой конкуренции на глобальных рынках, а также может даже усилить экологический кризис благодаря увеличению мирового потребления (Rees, 2010; Washington, 2015). Задача экономического роста (максимизации прибыли) делает задачу экологической целост-

ности почти невозможной, учитывая тот факт, что экономическое процветание сегодня связано с глобальным распространением неустойчивой потребительской культуры (Crist, 2012; Kopnina, Blewitt, 2014; Rolston, 2015). Учёные указывают на парадоксы и узкие места устойчивого развития, например, попытку разъединить борьбу с бедностью и потребление ресурсов (Kopnina, Cosis, 2017).

Одновременно риторика устойчивого развития имеет тенденцию привилегировать благосостояние человека над проблемами окружающей среды (Rolston, 2015; Shoreman-Ouimet, Kopnina, 2016). Такое определение приоритетов экономических целей не только подрывает базу человеческих ресурсов в долгосрочной перспективе, но и сводит на нет шансы на эволюционное развитие (Crist, 2012; Cafaro, 2015). Однако концепция устойчивого развития является определённым общественным идеалом и ориентиром для создания общества, способного развиваться в гармонии с природой.

Концепция разумного региона ("smartregion") является новаторским подходом к планированию на региональном уровне, который способствует развитию знаний на основе постоянного изучения человеческих ресурсов как интегративной части развития региональных ресурсов. Концепция предусматривает инвестиции в человеческий и социальный капитал, в традиционную (транспортную) и современную (ИКТ) коммуникационную инфраструктуру, способные обеспечить экономический рост и высокий уровень качества жизни при одновременном совместном разумном управлении природными ресурсами (Caragliu, et al., 2011, P. 70). В результате такой регион использует современные технологии, чтобы сэкономить время и деньги людей, которые там живут (Kodym, Unucka, 2017). Это приводит к эффективному и результативному региональному развитию, которое поддерживается соответствующими высокими технологиями как следствие непрерывного обучения.

Учитывая наработки департаментов Европарламента, можно выделить три основные группы факторов влияния в регионе⁶: технологические (физическая инфраструктура, умные технологии, мобильные технологии, виртуальные технологии, цифровые сети), человеческие (инфраструктура, социальный капитал), институциональные (управление, политика, положения и директивы) факторы. Вызовы, с которыми сталкиваются регионы, быстро меняются. Они не только становятся более сложными, но и являются специфическими для каждого региона. Однако использование технологий помогает в создании эффективных и интуитивных регионов, а интегрированная транспортная и коммуникационная сеть экономит время, энергию и деньги. Вследствие обновления регионов улучшается качество жизни.

Концепция сбалансированного регионального развития должна строиться также на основе нового прагматизма, который трактуется как сознательное экономическое, социальное и этическое действие, что даёт основания считать его достаточно целостной системой (Геец, 2017. С. 5). Идеология нового прагматизма позволяет "преодолевать", с одной стороны, такой существенный недостаток госкапитализма, как "необязательно выгодно", а с другой – такой недостаток неолиберализма, как "может быть аморально".

⁶Mapping Smart Cities in the EU. URL: <http://www.europarl.europa.eu/>

Соответственно, новый прагматизм признаёт важность ориентации на снижение конфликтности и поиск компромиссов между частными и общественными интересами; гармонизацию между старыми и новыми потребностями; единство в многообразии; децентрализацию; уважение к национальному суверенитету; обязательность международных консультаций; присутствие неправительственных организаций. При этом важно учитывать системы "ценностей, способствующих глобализации участия, социальной сплочённости и сбалансированности развития" (Геец, 2017. С. 9).

Особого внимания заслуживает и концепция реконструктивного развития, предполагающая единство "интровертного, инклюзивного и инновационного развития, направленного на решение внутренних проблем страны путём коренной перестройки структуры экономики, изменения её несущих конструкций и развёртывания внутренних потенциалов в рефлексивном взаимодействии с внешней средой для обеспечения благосостояния граждан и социальной справедливости" (Гриценко, 2016. С. 5). Интровертность означает направленность на решение внутренних проблем региона с учётом его особенностей. В свою очередь понятие инклюзивного развития означает предоставление возможности включить и раскрыть внутренний потенциал всех элементов и субъектов региона, обеспечив его сбалансированность (Гриценко, 2016 С. 16). При этом инновационность отражает необходимость использования новейших достижений и принципов. Реконструкция имеет как общие, так и отличительные черты с родственными понятиями: трансформация, модернизация, усовершенствование и т.д. (табл. 2).

Согласно методологии концепции реконструктивного развития, значительное внимание уделяется справедливости как в отношении индивида к обществу, так и общества к индивиду. Основным критерием справедливости считается "не абстрактное равенство, а равенство, которое соответствует сущности явления" (Гриценко, 2016. С. 9), то есть справедливым региональным развитием является "такое, которое обеспечивает равновесное (сбалансированное), а потому и устойчивое развитие всех составляющих" (Гриценко, 2016. С. 9). Таким образом, справедливость "отражает уровень социального порядка,

Таблица 2

**Общие и отличительные признаки реконструкции
с родственными понятиями: трансформация, модернизация,
усовершенствование**

Признаки	Трансформация	Модернизация	Усовершенствование	Реконструкция
Общие	Основная черта – изменения			
Отличительные	преобразование структур, форм и способов, изменение целевой направленности деятельности, переход через промежуточные звенья	обновление существующего, касаются внешних форм, а не внутреннего содержания обновляемого	сознательная деятельность, направленная на повышение качества объекта усовершенствования	качественная перестройка несущих конструкций экономики, коренное изменение её структуры

Источник: составлено автором на основании (Гриценко, 2016. С. 6–8). имеющего минимальную энтропию" (Ярёменко, 2016. С. 21). Согласно такому подходу, при несоответствии ожиданий субъектов региона реалиям регионального развития возникают различные проявления энтропии, а именно: усиление склонности к оппортунистической деятельности, снижение уровня доверия, отказ от сотрудничества и кооперации и т. п. В целом справедливость отражает такую степень общественного порядка, при котором происходит оптимальное использование доступных в регионе ресурсов для воспроизводства и развития собственной идентичности.

Именно идея справедливости является ключевой в обеспечении сбалансированного регионального развития. Так, в докладе Всемирного банка "Справедливость и развитие" термин "справедливость" раскрыт с помощью следующих двух принципов⁷: (1) принцип равных возможностей: достижение экономических, социальных и политических успехов должно быть результатом усилий и талантов, а не определяться полом, расой, местом рождения, семейным происхождением и т. п.; (2) принцип избегания абсолютной обездоленности: защита и поддержка лиц, находящихся за чертой бедности.

Кроме того, подходы, направленные на сокращение социальной несправедливости в ЕС, сфокусированы на вопросах занятости и развития рынка труда, социальных инвестициях и социальном партнёрстве. Однако есть ряд рисков и угроз, "связанных с усилением тенденций дезинтеграции и социально-экономической дивергенции стран ЕС, неконтролируемой иммиграции, продолжающейся деформацией европейской социальной модели, а также усилением тенденций прекаризации европейского общества" (Бурлай, 2016. С. 62–63). Сложившаяся ситуация требует дальнейшего совершенствования политики укрепления социальной справедливости.

Теория заинтересованных сторон является теорией организационного менеджмента и этики (Phillips, et al., 2003), отражающей управление, основанное на моральном отношении к заинтересованным сторонам (Harrison, et al., P. 860), а также помогает согласовать цели различных заинтересованных сторон (Campbell, 2007; Hoffman, 2001; Jamali, Neville, 2011). Однако стоит идентифицировать заинтересованные стороны с помощью трёх ключевых признаков (мощности, легитимности и актуальности), поскольку они носят динамический характер (например, некоторые заинтересованные стороны могут получить / потерять власть, получить / потерять легитимность, или иметь большую / меньшую актуальность) (Mitchell, et al., 1997). Благодаря сотрудничеству с различными заинтересованными сторонами и гармонизации их интересов, компании способны укрепить свои корпоративно-общественные отношения, усилить свои конкурентные преимущества и выполнить свои обязательства перед другими членами общества (Parmar, et al., 2010).

Каждый регион имеет различные группы заинтересованных сторон, которые стоит признавать и уважать их интересы. Поэтому правительственные организации обязаны знать и уважать интересы своих заинтересованных сторон (Denhardt, 2007), а для их вовлечения в

⁷ World Development Report 2006: Equity and Development. URL: <https://openknowledge.worldbank.org/>

процессы развития региона можно использовать различные подходы (Hendry, 2001): умеренный (отношение к заинтересованным сторонам с уважением), промежуточный (включение некоторых заинтересованных сторон в управление) и требовательный (участие всех заинтересованных сторон в процессах принятия решений).

Теория заинтересованных сторон также способствует процветанию человека, поскольку позитивные отношения между заинтересованными сторонами способствуют развитию эвдемонии людей и общества (Godfrey, Lewis, 2018). При этом социальные механизмы должны способствовать общению и обмену между группами путём ведения переговоров о бесчисленном количестве сделок, где моральные видения пересекаются и могут находиться в конфликте. Достижение процветания и развития региона возможно при наличии и сочетании пяти элементов (Seligman, 2011): положительные эмоции (удовольствие, состояние мира, благополучия или лёгкости); вовлечённость (находясь в состоянии потока, человек чувствует себя поглощённым деятельностью, направленной на региональное развитие); отношения (фокусировка на отношениях и их роли в жизни человека приводит к эвдемонии и выходу за рамки эгоистического гедонизма); значение (процесс поиска личного смысла и достижения цели); достижения (для процветания и получения совершенства необходимы рост, накопление новых навыков и знаний, достижение целей).

Согласно бихевиористской теории, на поведение лиц, обеспечивающих сбалансированное развитие региона, влияют три группы факторов (Лелюк, 2015. С. 198–199): (1) естественные свойства и индивидуально-психологические особенности; (2) система мотивов, сформированная из совокупности потребностей и интересов; (3) система внутреннего управления личности, отражающая её собственные представления о себе, своих интересах, склонностях, ориентациях. Таким образом, следует учитывать возможное влияние психологических факторов на периодические кризисы и принятие управленческих решений под влиянием эмоций.

В контексте разработки региональной политики часто применяют такие термины бихевиористской теории, как "импульс" и "либертарианский патернализм" (Thaler, Sunstein, 2008). Под термином "импульс" следует понимать побуждение человека к действиям третьей стороной. Примером такого влияния является проектирование среды, в которой осуществляется выбор, и вариантов, из которых можно выбирать, таким образом, чтобы стимулировать к выбору конкретного варианта. Либертарианский патернализм также непосредственно связан с импульсом. Термин используется в формировании региональной политики через определение варианта по умолчанию в качестве основного выбора с предоставлением дополнительных вариантов на выбор. В то же время желание отказаться от варианта по умолчанию требует написания письменной просьбы об отказе от указанного варианта (Marek, Polowczyk, 2018. С. 375).

В то же время принцип рационального регионального управления сводится к праксеологическому подходу, согласно которому решения должны приводить к максимизации эффектов на предполагаемом уровне издержек, или к минимизации затрат на реализацию предполагаемых эффектов (Mączyńska, 2018, Р. 254). Из-за барьеров рациональности, когнитивных ограничений, давления социальных предпочтений

(например, давления желаемой модели потребления) и недостатков самоконтроля такой подход не часто применяется на практике, уступая место другим критериям, стимулам и мотивациям. Поэтому необходимо создать такую архитектуру выбора региональных решений, чтобы этот выбор имел черты рациональности. Согласно постулатам поведенческой экономики, такую архитектуру можно воссоздать при сочетании правовых норм с определённой дозой либертарианского патернализма, то есть созданием условий рационального выбора, склонности к рациональным решениям и противодействию вредным решениям (Mączyńska, 2018, P. 265). Однако, формируя такую архитектуру, следует позаботиться об обеспечении надлежащей симметрии в правах и обязанностях различных групп заинтересованных лиц.

Критика предположений относительно рациональности поведения людей открывает дискуссию о влиянии эмоций на решение. Введение рациональности в механизмы, где преобладают эмоции, может быть правильным направлением повышения квалификации руководителей (Mruk, 2018. P. 14). Однако освоение способов большего контроля над принятием решений – это медленный процесс. Эффективность в принятии решения может зависеть от многих причин. Так, сосредоточение внимания на одном элементе (задании) может привести к тому, что другие переменные не будут замечены. Даже способ предоставления информации влияет на её получение и интерпретацию.

Таким образом, проведённое исследование демонстрирует тесную связь концепции сбалансированного регионального развития с рядом концепций и теорий, приведённых на рисунке.

Рисунок. Теоретические основы формирования концепции сбалансированного регионального развития

Источник: разработано автором.

Выводы. Проведённое исследование позволяет определить сбалансированное региональное развитие, которое рассматривается как долговременный процесс реконструкции региона исходя из имеющегося потенциала, гармонизации интересов заинтересованных сторон и налаживания коммуникации, оптимального соотношения экологических, социальных и экономических целей, социальной справедливости, сплочённости и ответственности, что приводит к появлению региональной идентичности. При этом налаживание устойчивого развития региона должно занимать ключевое место в системе новой региональной политики. Однако в современных условиях рыночных и административных преобразований дополнительный анализ требует вопрос разработки инструментария обеспечения сбалансированного регионального развития.

Литература

1. Бурлай, Т. (2016). Сучасна політика Євросоюзу в контексті соціальної справедливості. *Економічна теорія*. № 4. С. 51–64. doi: <https://doi.org/10.15407/etet2016.04.051>
2. Вергун, А.М., Тарасенко, І.О. (2014). Концепція сталого розвитку в умовах глобалізації. *Вісник КНУТД*. № 2. С. 207–218.
3. Геець, В. (2017). Новий прагматизм – інструмент досягнення кращого майбутнього. *Економічна теорія*. № 1. С. 5–24.
4. Гриценко, А. (2016). Реконструктивний економічний розвиток: зміст, основні напрями і вектор соціальної справедливості. *Економічна теорія*. № 4. С. 5–18.
5. Лелюк, С.В. (2015). Фінансова безпека економічних систем: системно-біхевіористичний підхід. *Науковий вісник Ужгородського університету: Серія "Економіка"*. Випуск 1 (45). Т. 1. С. 197–200.
6. Сухенко, В.Г. (2017). Мовна картина світу українців крізь призму оксиморона. *Science and Education a New Dimension. Philology*. Vol. (34). Issue 124. С. 72–75.
7. Ховрак, І.В. (2019). Еволюція парадигмату регіонального розвитку. *Modern Economics*. № 13. С. 246–252.
8. Черевко, Г., Черевко, І. (2010). Зрівноважений розвиток сільських територій. *Аграрна економіка*. Т. 3. № 1–2. С. 36–40.
9. Яременко, О. (2016). Суперечлива єдність економічної ефективності і соціальної справедливості як чинник функціонування та еволюції економічних систем. *Економічна теорія*. № 4. С. 19–32. doi: <https://doi.org/10.15407/etet2016.04.019>
10. Blakely, E. (1994). *Planning Local Economic Development: Theory and Practice*. Newbury Park, CA: Sage. 343 p.
11. Cafaro, P. (2015). Three Ways to Think about the Sixth Mass Extinction. *Biological Conservation*. № 192. P. 387–393. doi: <https://doi.org/10.1016/j.biocon.2015.10.017>
12. Campbell, J. (2007). Why would Corporations Behave in Socially Responsible Ways: An Institutional Theory of Corporate Social Responsibility. *Academy of Management Review*. № 32. P. 946–967. doi: <https://doi.org/10.5465/amr.2007.25275684>
13. Caragliu, A., Del Bo C., Nijkamp P. (2011). Smart Cities in Europe. *Journal of Urban Technology*. № 18 (2). P. 65–82. doi: <https://doi.org/10.1080/10630732.2011.601117>
14. Castells, M. (1996). *The Rise of the Network Society. The Information Age: Economy, Society and Culture*. Vol. I. Malden, MA; Oxford, UK: Blackwell. 597 p.
15. Castells, M. (2000). Toward a Sociology of the Network Society. *Contemporary Sociology*. Vol. 29. No. 5. P. 693–699. doi: <https://doi.org/10.2307/2655234>
16. Christoforou, A. (2017) *Social Capital: Intuition, Precept, Concept and Theory. Social Capital and Local Development*. London: Palgrave Macmillan. P. 23–41. doi: https://doi.org/10.1007/978-3-319-54277-5_2

17. Cooke, P. (1992). Regional Innovation Systems: Competitive Regulation in the New Europe. *Geoforum*, № 23. P. 365–382. doi: [https://doi.org/10.1016/0016-7185\(92\)90048-9](https://doi.org/10.1016/0016-7185(92)90048-9)
18. Cooke, P. (2001). Strategy for Regional Innovation Systems: Learning Transfer and applications. Cardiff: Centre for Advanced Studies Cardiff University. 25 p.
19. Crist, E. (2012). Abundant Earth and Population. Life on the Brink: Environmentalists Confront Overpopulation. Athens, GA: University of Georgia Press. P. 141–153.
20. Denhardt, R.B., Denhardt, J.V. (2002). The New Public Service: Serving Rather than Steering. *Public Administration Review*. Vol. 60, Is. 6. P. 549–559. doi: <https://doi.org/10.1111/0033-3352.00117>
21. Eisinger, P.K. (1988). The Rise of the Entrepreneurial State. Madison: University of Wisconsin Press. 376 p.
22. Godfrey, P. C., Lewis, B. W. (2018). Pragmatism and Pluralism: A Moral Foundation for Stakeholder Theory in the 21st Century. All Faculty Publications. 2073. URL: <https://scholarsarchive.byu.edu/facpub/2073>
23. Hanifan, L. J. (1916). The Rural School Community Centre. *The Annals of the American Academy of Political and Social Science*. № 67. P. 130–138.
24. Harrison, J., Freeman, R., Cavalcanti S6 de Abreu, M. (2015). Stakeholder Theory As an Ethical Approach to Effective Management: Applying the Theory to Multiple Contexts. *Review of Business Management*. № 17 (55). P. 858–869. doi: <https://doi.org/10.7819/rbgn.v17i55.2647>
25. Hassink, R. (2004). The Learning Region: A Policy Concept to Unlock Regional Economies from Path Dependency? Regionalization of Innovation Policy: Options and Experiences. URL: <http://citeseerx.ist.psu.edu/>
26. Hendry, J. (2001). Missing the Target: Normative Stakeholder Theory and the Corporate Governance Debate. *Business Ethics Quarterly*. № 11. P. 159–176. doi: <https://doi.org/10.2307/3857875>
27. Hoffman, A. J. (2001). Linking Organizational and Field-Level Analyses: The Diffusion of Corporate Environmental Practice. *Organization & Environment*. № 14 (2). P. 133–156. doi: <https://doi.org/10.1177/1086026601142001>
28. Jamali, D., Neville, B. (2011). Convergence Versus Divergence of CSR in Developing Countries: An Embedded Multi-Layered Institutional Lens. *Journal of Business Ethics*. № 102. P. 599–621. doi: <https://doi.org/10.1007/s10551-011-0830-0>
29. Kodym, O., Unucka, J. (2017). Smart Life in Smart Region. MMS Conference. URL: <https://eudl.eu/pdf/10.4108/eai.22-11-2017.2274120>
30. Kopnina, H., Blewitt, J. (2014). Sustainable Business: Key Issues. New York: Routledge. 294 c.
31. Kopnina, H., Cocis, A. (2017). Environmental Education: Reflecting on Application of Environmental Attitudes Measuring Scale in Higher Education Students. *Education Sciences*. № 7. 69. doi: <https://doi.org/10.3390/educsci7030069>
32. Lenoir, R. (1974). Les exclus: Un Français sur Dix. Paris: Editions de Seuil. 175 p.
33. Marek, E. M., Polowczyk, J. (2018). Wpływ Richarda H. Thalera na rozwój ekonomii behawioralnej. *Intercathedra*. № 4 (37). P. 369–378.
34. Mączyńska, E. (2018). Chwilywkowe pożyczki pieniądze w kontekście ekonomii behawioralnej i regulacyjnych funkcji państwa. Rynek firm pożyczkowych w Polsce: Teoria i praktyka. Warszawa: Polskie Towarzystwo Ekonomiczne. 241–267 p.
35. Morgan, K. (1997). The Learning Region: Institutions, Innovation and Regional Renewal. *Regional Studies*. № 31. P. 491–503. doi: <https://doi.org/10.1080/00343409750132289>
36. Mitchell, R. K., Agle, B. R., Wood, D. J. (1997). Toward a Theory of Stakeholder Identification and Salience: Defining the Principle of Who and What Really Counts. *Academy of Management Review*. № 22. P. 853–886. doi: <https://doi.org/10.5465/amr.1997.9711022105>
37. Parmar, B. L., et al. (2010). Stakeholder Theory: The State of the Art. Cambridge, MA: Cambridge University Press. 61 p.
38. Phillips, R., Freeman, R. E., Wicks, A. C. (2003). What Stakeholder Theory is not. *Business Ethics Quarterly*. № 13 (4). P. 479–502. doi: <https://doi.org/10.5840/beq200313434>
39. Porter, M. E. (1990). The Competitive Advantage of Nations. *Harvard Business Review*. № 68 (2). P. 73–93.

40. Porter, M., Ketels, C. (2009). Clusters and Industrial Districts: Common Roots, Different Perspectives. A Handbook of Industrial Districts. Cheltenham: Edward Elgar Publishing. doi: <https://doi.org/10.4337/9781781007808.00024>
41. Rees, W. (2010). What's Blocking Sustainability? Human Nature, Cognition, and Denial. *Sustainability: Science, Practice, and Policy*. № 6 (2). P. 13–25. doi: <https://doi.org/10.1080/15487733.2010.11908046>
42. Rolston, H. (2015). Environmental Ethics for Tomorrow: Sustaining the Biosphere. *Sustainability: Key issues*. New York: Routledge. P. 347–358.
43. Seligman, M. (2011). Flourish: a Visionary New Understanding of Happiness and Wellbeing. New York: Free Press. 141 p.
44. Shoreman-Ouimet, E., Kopnina, H. (2016). Conservation and Culture: Beyond Anthropocentrism. New York: Routledge. 255 p. doi: <https://doi.org/10.4324/9781315858630>
45. Spear, R., et al. (2001). Tackling Social Exclusion in Europe. The Contribution of the Social Economy, Aldershot: Ashgate. URL: <http://w3.uqo.ca/>
46. Strzelecki, Z. (2011). Gospodarka regionalna i lokalna w Polsce. Czynniki i bariery rozwojowe. Warszawa: Oficyna Wydawnicza SGH. S. 36–42.
47. Thaler, R. H., Sunstein, C. R. (2008). Nudge. Improving Decisions About Health, Wealth, and Happiness. New Haven & London: Yale University Press. 304 p.
48. Washington, H. (2015). Demystifying Sustainability: Towards Real Solutions. New York: Routledge. 222 p.

Поступление в редакцию 26.09.2019 г.

THEORETICAL BASIS OF THE GERMINATION OF THE CONCEPT OF BALANCED REGIONAL DEVELOPMENT

Inna Khovrak

Author affiliation : Ph.D. in Economics, Associate Professor, Department of Accounting and Finance, Kremenchuk Mykhaylo Ostrogradskyi National University.
ORCID iD: <https://orcid.org/0000-0002-0352-4374>.
Email: inna.khovrak.w@gmail.com

The current reforming of local self-government, territorial organization of authorities and administrative-territorial division in Ukraine require new approaches to managing regional development. Therefore, the purpose of the article is to substantiate the theoretical aspects of the concept of balanced regional development. In the study, the author applies systematic approach, theoretical generalization, method of scientific abstraction, logical-semantic method and graphical method. The results of the study show that the concept of balanced regional development should be considered through the prism of seven concepts and theories. Thus, regional development theories (individual theories of spatial organization, utilization of the region's potential and innovation and knowledge, as well as theories of social change) help to perceive the region as a coherent system with the potential for development. The concept of sustainable development emphasizes the importance of meeting the needs of today without sacrificing the needs of future generations. The concept of a smart region combines smart governance, economy, mobility, environment, people and lifestyle. The concept of new pragmatism is reminiscent of taking into account, in governing a region, the system of values "profitably, lawfully, non-immorally". In accordance with the concept of reconstructive development, it is advisable to combine the introverted, inclusive and innovative development of the region. Stakeholder theory points to the need to identify the main stakeholders and establish communication between them. At the same time, behavioral theory emphasizes the strengthening of the role of the human factor in regional development, which actualizes the study of the influence of psychological factors. As a result, the study identified balanced regional development as a long-term process of regional reconstruction with due regard to the existing potential, harmonizing stakeholder interests and establishing communication, optimal balance of environmental, social and economic goals, social justice, cohesion and responsibility.

Understanding the nature and features of balanced regional development is theoretically and practically important as it is capable of enhancing the effectiveness of regional governance.

Keywords: balanced regional development, regional development, concept, theories of regional development, regional governance.

JEL: R11, R58, A13.

References

1. Blakely, E. (1994). *Planning Local Economic Development: Theory and Practice*. Newbury Park, CA: Sage.
2. Burlai, T. (2016). Modern policy of the European Union in the context of social justice. *Ekonom. teor. – Economic theory*, 4, 51-64 doi: <https://doi.org/10.15407/etet2016.04.051> [in Ukrainian].
3. Cafaro, P. (2015). Three ways to think about the sixth mass extinction. *Biological Conservation*, 192, 387-393. doi: <https://doi.org/10.1016/j.biocon.2015.10.017>
4. Campbell, J. (2007). Why would corporations behave in socially responsible ways: An institutional theory of corporate social responsibility. *Academy of Management Review*, 32, 946-967. doi: <https://doi.org/10.5465/amr.2007.25275684>
5. Caragliu, A., Del Bo C., Nijkamp P. (2011). Smart Cities in Europe. *Journal of Urban Technology*, 18 (2), 65-82. doi: <https://doi.org/10.1080/10630732.2011.601117>
6. Castells, M. (1996). *The Rise of the Network Society. The Information Age: Economy, Society and Culture*. Vol. I. Malden, MA; Oxford, UK: Blackwell.
7. Castells, M. (2000). Toward a Sociology of the Network Society. *Contemporary Sociology*, 29: 5, 693-699. doi: <https://doi.org/10.2307/2655234>
8. Cherevko, H. Cherevko, I. (2010). Balanced development of rural areas. *Ahrana ekonomika – Agrarian economy*, 3 (1-2), 36-40 [in Ukrainian].
9. Christoforou, A. (2017) *Social Capital: Intuition, Precept, Concept and Theory. Social Capital and Local Development*. London: Palgrave Macmillan. doi: https://doi.org/10.1007/978-3-319-54277-5_2
10. Cooke, P. (1992) Regional innovation systems: competitive regulation in the new Europe. *Geoforum*, 23, 365-382. doi: [https://doi.org/10.1016/0016-7185\(92\)90048-9](https://doi.org/10.1016/0016-7185(92)90048-9)
11. Cooke, P. (2001). *Strategy for regional innovation systems: Learning transfer and applications*. Cardiff: Centre for Advanced Studies Cardiff University.
12. Crist, E. (2012). *Abundant Earth and Population. Life on the Brink: Environmentalists confront Overpopulation*. Athens, GA: University of Georgia Press.
13. Denhardt, R.B., Denhardt, J.V. (2002). The New Public Service: Serving Rather than Steering. *Public Administration Review*, 60: 6, 549-559. doi: <https://doi.org/10.1111/0033-3352.00117>
14. Eisinger, P.K. (1988). *The Rise of the Entrepreneurial State*. Madison: University of Wisconsin Press.
15. Godfrey, P. C., Lewis, B. W. (2018). *Pragmatism and pluralism: A moral foundation for stakeholder theory in the 21st century*. All Faculty Publications. 2073. Retrieved from <https://scholarsarchive.byu.edu/facpub/2073>
16. Hanifan, L.J. (1916). The rural school community centre. *The Annals of the American Academy of Political and Social Science*, 67, 130-138.
17. Harrison, J., Freeman, R., Cavalcanti Sá de Abreu, M. (2015). Stakeholder Theory As an Ethical Approach to Effective Management: applying the theory to multiple contexts. *Review of Business Management*, 17 (55), 858-869. doi: <https://doi.org/10.7819/rbgn.v17i55.2647>
18. Hassink, R. (2004). *The Learning Region: A Policy Concept to Unlock Regional Economies from Path Dependency? Regionalization of Innovation Policy: Options and Experiences*. URL: <http://citeseerx.ist.psu.edu/>
19. Heyets, V. (2017). New pragmatism as an instrument to achieve a better future. *Ekonom. teor. – Economic theory*, 1, 5-24. doi: <https://doi.org/10.15407/etet2017.01.005> [in Ukrainian].
20. Hendry, J. (2001). Missing the target: Normative stakeholder theory and the corporate governance debate. *Business Ethics Quarterly*, 11, 159-176. doi: <https://doi.org/10.2307/3857875>
21. Hoffman, A. J. (2001). Linking organizational and field-level analyses: The diffusion of corporate environmental practice. *Organization & Environment*, 14 (2), 133-156. doi: <https://doi.org/10.1177/1086026601142001>

22. Hrytsenko, A. (2016). Reconstructive economic development: contents, guidelines and the vector of social justice. *Ekonom. teor. – Economic theory*, 4, 5-18. doi: <https://doi.org/10.15407/etet2016.04.005> [in Ukrainian].
23. Jamali, D., Neville, B. (2011). Convergence versus divergence of CSR in developing countries: An embedded multi-layered institutional lens. *Journal of Business Ethics*, 102, 599-621. doi: <https://doi.org/10.1007/s10551-011-0830-0>
24. Khovrak, I. V. (2019). Evolution of the paradigm of regional development. *Modern Economics*. 13, 246-252 [in Ukrainian].
25. Kodym, O., Unucka, J. (2017). Smart Life in Smart Region. MMS conference. Retrieved from <https://eudl.eu/pdf/10.4108/eai.22-11-2017.2274120>
26. Kopnina, H., Blewitt, J. (2014). Sustainable Business: Key issues. New York: Routledge.
27. Kopnina, H., Cocis, A. (2017). Environmental Education: Reflecting on Application of Environmental Attitudes Measuring Scale in Higher Education Students. *Education Sciences*, 7, 69. doi: <https://doi.org/10.3390/educsci7030069>
28. Leliuk, S.V. (2015). Financial security of economic systems: a system-behavioral approach. *Naukovyi visnyk Uzhhorodskoho universytetu: Seriya "Ekonomika" – Uzhgorod University Scientific Bulletin: Economics Series*, 1 (45/1), 197-200 [in Ukrainian].
29. Lenoir, R. (1974). Les exclus: Un Francais sur Dix. Paris: Editions de Seuil.
30. Marek, E. M., Polowczyk, J. (2018). Wpływ Richarda H. Thaler'a na rozwój ekonomii behawioralnej. *Intercathedra*. 4 (37), 369-378 [in Polish].
31. Mączyńska, E. (2018). Chwilówkowe pożyczki pieniądze w kontekście ekonomii behawioralnej i regulacyjnych funkcji państwa. Rynek firm pożyczkowych w Polsce: Teoria i praktyka. Warszawa: Polskie Towarzystwo Ekonomiczne [in Polish].
32. Morgan, K. (1997). The learning region: institutions, innovation and regional renewal. *Regional Studies*, 31, 491-503. doi: <https://doi.org/10.1080/00343409750132289>
33. Mitchell, R.K., Agle, B.R., Wood, D.J. (1997). Toward a theory of stakeholder identification and salience: Defining the principle of who and what really counts. *Academy of Management Review*, 22, 853-886. doi: <https://doi.org/10.5465/amr.1997.9711022105>
34. Parmar, B.L., et al. (2010). Stakeholder theory: The state of the art. Cambridge, MA: Cambridge University Press.
35. Phillips, R., Freeman, R.E., Wicks, A.C. (2003). What stakeholder theory is not. *Business Ethics Quarterly*, 13 (4), 479-502. doi: <https://doi.org/10.5840/beq200313434>
36. Porter, M.E. (1990). The Competitive Advantage of Nations. *Harvard Business Review*, 68 (2), 73-93.
37. Porter, M., Ketels, C. (2009). Clusters and Industrial Districts: Common Roots, Different Perspectives. A Handbook of Industrial Districts. Cheltenham: Edward Elgar Publishing. doi: <https://doi.org/10.4337/9781781007808.00024>
38. Rees, W. (2010). What's blocking sustainability? Human nature, cognition, and denial. *Sustainability: Science, Practice, and Policy*, 6 (2), 13-25. doi: <https://doi.org/10.1080/15487733.2010.11908046>
39. Rolston, H. (2015). Environmental Ethics for Tomorrow: Sustaining the Biosphere. Sustainability: Key issues. New York: Routledge.
40. Seligman, M. (2011). Flourish: a visionary new understanding of happiness and wellbeing. New York: Free Press.
41. Shoreman-Ouimet, E., Kopnina, H. (2016). Conservation and Culture: Beyond Anthropocentrism. New York: Routledge. doi: <https://doi.org/10.4324/9781315858630>
42. Spear, R., et al. (2001). Tackling Social Exclusion in Europe. The Contribution of the Social Economy, Aldershot: Ashgate. Retrieved from <http://w3.uqo.ca/>
43. Strzelecki, Z. (2011). Gospodarka regionalna i lokalna w Polsce. Czynniki i bariery rozwojowe. Warszawa: Oficyna Wydawnicza SGH [in Polish].
44. Sukhenko, V.H. (2017). The linguistic picture of the world of Ukrainians through the prism of oxymoron. *Science and Education a New Dimension. Philology*, 124 (34), 72-75 [in Ukrainian].
45. Thaler, R.H., Sunstein, C.R. (2008). Nudge. Improving Decisions About Health, Wealth, and Happiness. New Haven & London: Yale University Press.

46. Verhun, A.M., Tarasenko, I.O. (2014). The concept of sustainable development in the context of globalization. *Visnyk KNUVD – KNUVD Bulletin*, 2, 207-218 [in Ukrainian].
47. Washington, H. (2015). *Demystifying Sustainability: Towards Real Solutions*. New York: Routledge.
48. Yaremenko, O. (2016). Contradictory unity of economic efficiency and social justice as a factor for economic systems functioning and evolution. *Ekon. teor. – Economic theory*, 4, 19-32 doi: <https://doi.org/10.15407/etet2016.04.019> [in Ukrainian]